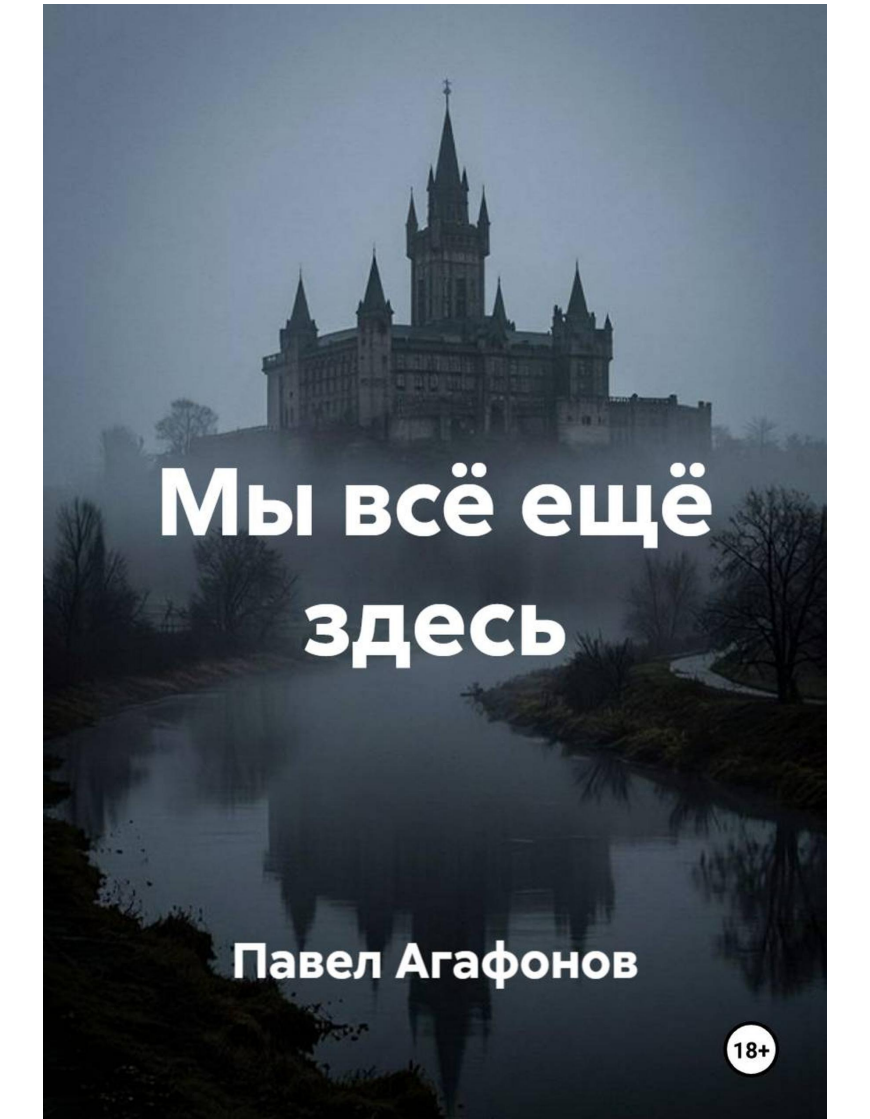

Мы всё ещё здесь

Павел Агафонов

18+

Павел Агафонов

Мы всё ещё здесь

<https://litres.ru/74598782>

SelfPub; 2026

Аннотация

Туман в Рейвенвуде не рассеивается до полудня. Университет стоит на холме, как замок. Городок у реки дышит старыми тайнами, как сыростью.

Нора Вейл думала, что приехала сюда за дипломом.

Она ошибалась. Рейвенвуд позвал её по другой причине. И теперь, чтобы выжить, ей придётся узнать то, что этот город прятал четверть века — за красивыми фасадами, вежливыми улыбками и идеальной тишиной.

Некоторые тайны хоронят. Некоторые — хоронят заживо.

Содержание

Глава 1. Добро пожаловать домой	4
Глава 2. Твоя фамилия мне знакома	7
Глава 3. Я здесь, чтобы помогать	11
Глава 4. Просто будь осторожна	15
Глава 5. Я знаю о тебе больше, чем ты думаешь	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Павел Агафонов

Мы всё ещё здесь

Глава 1. Добро пожаловать домой

Автобус въехал в Рейвенвуд на закате, и Нора Вейл впервые в жизни почувствовала, что попала внутрь фотографии.

Городок выглядел так, будто его построили для открытки: каменные дома с остроконечными крышами, увитые плющом фасады, чугунные фонари, которые зажглись один за другим, стоило солнцу упасть за реку. Университет возвышался на холме — серый, готический, с башней, похожей на шпиль собора. Нора прижалась лбом к холодному стеклу и смотрела, как автобус петляет по узким улицам, мимо книжных лавок, кофеен и витрин, в которых висели свитера с логотипом «Рейвенвудского университета».

Она достала из рюкзака помятый конверт. Письмо о стипендии. Она перечитывала его сотню раз, но всё равно провела пальцем по строкам: «Мы рады сообщить, что вы приняты на факультет искусствоведения. Полная стипендия покрывает обучение, проживание и питание...»

Полная стипендия. Для девочки из Фэрхейвена, где население — четыре тысячи человек, а ближайший музей — это школьный кабинет истории с чучелом совы в углу, это зву-

чало как выдумка. Мать долго молчала, когда Нора показала ей письмо. Потом сказала:

— Ты уверена, что хочешь именно туда?

— Мам, это лучший искусствоведческий факультет в стране. Ты понимаешь, что это значит?

Мать отвернулась к окну. Её отражение в тёмном стекле было размытым, почти призрачным.

— Понимаю, — сказала она тихо. — Просто будь осторожна.

Нора тогда не придавала этому значения. Мать всегда была осторожной. Осторожность была её профессией — она работала библиотекарем и всю жизнь расставляла книги по полкам, следя за тем, чтобы ни одна не упала.

Автобус остановился у ворот кампуса. Нора вышла, волоча за собой чемодан на скрипучих колёсиках. Воздух был холодным и влажным, пахло рекой и мокрым камнем. Студенты сновали туда-сюда — кто-то с кофе, кто-то с рюкзаками, кто-то с инструментами в футлярах. Никто не смотрел на неё. Она была никем. Это было прекрасно.

Общежитие называлось «Хоторн-Холл» — старое здание из красного кирпича, с высокими окнами и лестницей, вытертой сотнями ног. Комната Норы была на третьем этаже, в конце коридора. Узкая, с двумя кроватями, двумя столами и одним окном, выходящим на внутренний двор. Соседка ещё не приехала — её половина была пустой, голой, как больничная палата.

Нора бросила чемодан на кровать и подошла к окну. Двор был пуст. В центре стояла статуя — мужчина в длинном пальто, с книгой в руке. Основатель. Эзра Рейвенвуд. Она видела его фотографию в брошюре. Под статуей — табличка, но отсюда буквы не читались.

Нора отвернулась. Она распаковала вещи — свитера, джинсы, книги. Маленькая фотография матери в рамке. Она поставила её на стол, рядом с ноутбуком. Мать смотрела на неё с карточки — молодая, улыбающаяся, с длинными тёмными волосами. Фотография была сделана задолго до рождения Нору. Мать никогда не говорила, где и когда.

Нора легла на кровать, не раздеваясь. Потолок был белым, с трещиной в углу. Она смотрела на трещину, пока не заснула.

Ей ничего не снилось.

Глава 2. Твоя фамилия мне знакома

Первый семинар по искусствоведению был в девять утра, в аудитории на втором этаже главного корпуса. Нора пришла за двадцать минут — привычка, выработанная за годы в школе, где опоздание означало унижительный разговор с директором.

Аудитория была старой: деревянные скамьи, высокий потолок с лепниной, окна с витражами, через которые лился тусклый утренний свет. На стенах — репродукции картин: Боттичелли, Караваджо, Босх. Нора села в третьем ряду, у окна. Она достала блокнот и ручку, положила перед собой.

Студенты подтягивались постепенно. Кто-то болтал, кто-то листал телефон, кто-то пил кофе из картонных стаканов. Нора никого не знала. Она смотрела в блокнот, на чистую страницу, и чувствовала, как сердце бьётся слишком быстро.

Вошла профессор. Женщина лет пятидесяти, худая, с короткими седыми волосами и пронзительными серыми глазами. Она была в чёрном свитере и серой юбке, на шее — тонкая серебряная цепочка. Она поставила на стол кожаную папку и обвела аудиторию взглядом.

— Доброе утро, — сказала она. Голос был низким, ровным. — Меня зовут Хелен Грей. Вы можете называть меня

профессор Грей. Этот курс — введение в искусствоведение. Мы будем говорить о картинах, скульптурах, архитектуре. О том, как смотреть и что видеть. Но прежде — перекличка.

Она открыла папку и начала читать фамилии. Студенты откликались — «здесь», «тут», «я». Нора ждала. Фамилия «Вейл» начиналась на «В», значит, ближе к концу.

— Адамс?

— Здесь.

— Барнс?

— Здесь.

— Рен?

Нора обернулась. На последнем ряду поднял руку парень. Тёмные волосы, бледное лицо, чёрная куртка. Он смотрел не на профессора, а в окно. Профессор Грей задержала на нём взгляд на секунду дольше, чем на других. Потом продолжила.

— Дэвис?

— Здесь.

— Фостер?

— Здесь.

— Вейл?

Нора подняла руку.

— Здесь.

Профессор Грей замолчала. Она подняла глаза от списка и посмотрела на Нору. Долго. Слишком долго. В аудитории стало тихо — даже те, кто листал телефон, подняли головы.

— Вейл, — повторила профессор. — Нора Вейл.

— Да, — сказала Нора. Голос дрогнул.

Профессор Грей закрыла папку. Её лицо не изменилось — ни удивления, ни узнавания. Но что-то в ней сжалось. Как будто внутри переключили тумблер.

— Диана Вейл — твоя родственница?

Нора моргнула.

— Моя мать.

Тишина стала плотной, как вата. Кто-то на заднем ряду хихикнул, но тут же замолчал. Профессор Грей смотрела на Нору так, будто пыталась вспомнить, где видела её раньше. Или — будто пыталась решить, что делать.

— Понятно, — сказала она наконец. — Что ж. Продолжим.

Она открыла папку и назвала следующую фамилию. Но её голос изменился — стал тише, ровнее, будто она читала по бумаге, не вникая в смысл. Нора сидела, не двигаясь. Руки похолодели. Она не понимала, что произошло, но чувствовала: что-то произошло.

Семинар длился сорок минут вместо запланированных восьмидесяти. Профессор Грей говорила быстро, не поднимая глаз от конспекта. Она не задавала вопросов, не смотрела на студентов. Когда прозвенел звонок — раньше времени, на десять минут, — она закрыла папку и вышла, не попрощавшись.

Нора осталась сидеть. Студенты начали собирать вещи,

переговариваться. Парень с последнего ряда — Рен — прошёл мимо неё, задержался на секунду. Он посмотрел на неё. Взгляд был странным — не враждебным, не дружелюбным. Скорее — оценивающим. Как будто он тоже пытался что-то понять.

Потом он ушёл.

Нора вышла из аудитории последней. В коридоре её ждала женщина. Высокая, в строгом сером костюме, с идеальной осанкой. Волосы — седые, коротко стриженные. Лицо — гладкое, почти без морщин, но глаза — старые. Очень старые.

— Мисс Вейл? — сказала она. Голос был мягким, но в нём чувствовалась сталь. — Меня зовут Маргарет Холт. Я декан студентов. Мне нужно поговорить с вами. Наедине.

Глава 3. Я здесь, чтобы помогать

Кабинет декана Холт был на четвёртом этаже, в конце длинного коридора, увешанного портретами бывших ректоров. Нора шла за женщиной и чувствовала, как каждый шаг отдаётся в висках. Она не понимала, что происходит, но инстинкт — тот самый, который годами заставлял её не высываться, не задавать лишних вопросов, не привлекать внимания — кричал: беги.

Кабинет был большим и холодным. Высокие окна, тёмный дубовый стол, книжные шкафы до потолка. На стенах — фотографии: Холт с важными людьми, Холт на церемониях, Холт с выпускниками. Ни одной картины. Ни одного цветка. Всё функционально, всё под контролем.

— Садитесь, — сказала Холт, указывая на стул напротив стола. Сама она села в кресло, сложила руки на столе. — Не волнуйтесь. Это обычная процедура. Мы проверяем всех стипендиатов.

Нора села. Спина прямая, руки на коленях.

— Ваша мать — Диана Вейл, верно? — спросила Холт.
— Урождённая Фрост?

— Да.

— Она училась здесь. В конце девяностых. Вы знали об этом?

Нора покачала головой.

— Нет. Она никогда не говорила.

Холт кивнула. Медленно. Как будто ожидала этого ответа.

— Это неудивительно, — сказала она. — Многие выпускники не рассказывают детям о своих студенческих годах. Это было давно. Люди меняются. Жизнь идёт дальше.

Она сделала паузу. Посмотрела на Нору внимательно, будто проверяя, понимает ли она что-нибудь.

— Ваша мать была... способной студенткой. Талантливой. Но она ушла после второго курса. Не закончила. Вы знали?

— Нет.

— Она не рассказывала, почему?

— Нет.

Холт улыбнулась. Улыбка была идеальной — ровные белые зубы, уголки губ подняты на нужную высоту. Но глаза остались холодными.

— Что ж, — сказала она. — Это её право. Прошрое — это личное. Мы здесь уважаем личные границы. Но я хочу, чтобы вы понимали: Рейвенвуд — особое место. Здесь традиции. Здесь репутация. Мы заботимся о наших студентах. И о нашей истории.

Она наклонилась вперёд. Голос стал тише.

— Если у вас возникнут вопросы о прошлом — о прошлом вашей матери, о прошлом университета, о чём угодно — приходите ко мне. Не к другим преподавателям. Не к архивариусам. Ко мне. Я помогу. Я здесь для того, чтобы помогать.

Нора кивнула. Во рту пересохло.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что, — Холт откинулась в кресле. — И ещё одно. Ваша стипендия — это большая ответственность. Мы вкладываем в вас деньги. Мы ожидаем, что вы будете... осмительной. Не будете тратить время на ненужные расследования. Сосредоточьтесь на учёбе. На будущем. Прошрое — это прошрое.

Она сделала ударение на последнем слове. Нора поняла: это не совет. Это предупреждение.

— Я поняла, — сказала она.

— Хорошо. Можете идти.

Нора встала. Когда она взялась за ручку двери, Холт окликнула её:

— Мисс Вейл.

Нора обернулась.

— Ваша мать никогда не говорила о Вивьен Торн?

Сердце Норы пропустило удар.

— Кто это?

Холт смотрела на неё секунду. Две. Потом улыбнулась — снова идеально, снова холодно.

— Никто, — сказала она. — Забудьте.

Нора вышла в коридор. Дверь закрылась за ней с мягким щелчком. Она прислонилась к стене и закрыла глаза. Руки тряслись.

Вивьен Торн.

Она никогда не слышала этого имени. Но почему-то оно отозвалось в ней — как эхо, как удар в груди.

Глава 4. Просто будь осторожна

Нора шла по коридору, не видя дороги. Ноги несли её сами — вниз по лестнице, через холл, на улицу. Воздух ударил в лицо холодом. Она села на скамейку у входа в корпус и достала телефон.

Мать ответила после третьего гудка.

— Нора? Всё в порядке?

Голос был спокойным. Обычным. Как всегда.

— Мам, — сказала Нора. — Ты училась в Рейвенвуде?

Молчание. Долгое. Слишком долгое.

— Мам?

— Кто тебе сказал? — голос матери изменился. Стал тише, жёстче.

— Декан. Она вызвала меня. Спрашивала о тебе. О том, почему ты ушла.

— Что ты ей сказала?

— Ничего. Я ничего не знаю. Мам, почему ты мне не говорила? Ты училась здесь. Ты бросила учёбу. Почему?

Пауза. Нора слышала, как мать дышит — тяжело, неровно.

— Нора, послушай меня. Уезжай оттуда.

— Что?

— Уезжай. Сейчас. Сегодня. Я верну деньги за стипендию. Я найду тебе другое место. Другое учебное заведение.

Любое.

— Мам, ты с ума сошла? Это лучший университет в стране. Я год к этому шла.

— Нора, — голос матери дрогнул. — Пожалуйста. Я тебя умоляю. Ты не понимаешь, во что ввязываешься.

— Во что? — Нора повысила голос. — Во что я ввязываюсь, мам? Что там произошло? Кто такая Вивьен Торн?

Тишина. Полная, абсолютная. Как будто мать перестала дышать.

— Мам? Ты здесь?

— Не задавай вопросов, — сказала мать. Голос был ледяным. — Не копай. Не говори с преподавателями. Не ходи в архив. Слышишь меня? Держись подальше от всего этого.

— От чего? От чего подальше?

— Я не могу сказать по телефону.

— Тогда скажи мне в лицо. Я приеду. Я возьму выходные. Я приеду домой, и ты мне всё расскажешь.

— Нет, — сказала мать. — Не приезжай. Я... я не могу.

— Что значит «не могу»?

— Я не могу тебе рассказать. Не сейчас. Может быть, никогда.

Нора замолчала. В груди что-то сжалось — туго, больно. Она смотрела на статую основателя, на его каменное лицо, на книгу в руке. Казалось, он улыбается. Казалось, он знает что-то, чего не знает она.

— Мам, — сказала она тихо. — Я не уеду.

— Нора...

— Я не уеду. Я хочу учиться. И я хочу понять, что происходит. Ты можешь мне помочь или нет, но я останусь.

Молчание. Потом — вздох. Долгий, тяжёлый.

— Будь осторожна, — сказала мать. — Не доверяй никому. И если что-то случится — если тебе покажется, что что-то не так — звони мне. В любое время. Днём или ночью. Поняла?

— Поняла.

— Обещай.

— Обещаю.

Мать повесила трубку. Нора сидела на скамейке, глядя на телефон. Экран погас. Вокруг ходили студенты, смеялись, разговаривали. Обычная жизнь. Обычный день.

Но что-то было не так. Что-то было очень не так.

Нора встала и пошла к общежитию. По дороге она повторяла про себя имя, как мантру:

Вивьен Торн.

Вивьен Торн.

Кто ты?

Глава 5. Я знаю о тебе больше, чем ты думаешь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.